

Bund

Евграфъ Вас. Чешихинъ.

CHESHIKIN

„KRATKAJA ISTORIA“

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

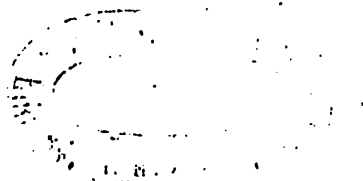
ПРИБАЛТИЙСКАГО КРАЯ.

Издание второе,

просмотровое и пополненное, съ біографическими свѣдѣніями

о

Е. В. Чешихинъ.

РИГА.

Печатано въ типографіи Мюллера (Гердерева площадь, № 1).

1894.

Balt 2108.84.2

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

MAR 2 1927

Дозволено цензурою. — Рига, 12 Мая 1894 года.

S.A.E. M. de

Предисловіе ко второму изданію.

„Краткая Исторія Прибалтійскаго Края“, составленная Е. В. Чешихинымъ, вышла въ свѣтъ въ 1884 г. безъ имени автора. Первое изданіе, сдѣланное Совѣтомъ по дѣламъ православныхъ сельскихъ народныхъ училищъ прибалтійскихъ губерній, давно разошлось. Настоящее второе изданіе ничѣмъ существенно не отличается отъ перваго: только — тщательно просмотрѣнъ текстъ, по возможности устранены всѣ неточности и типографскіе недостатки перваго изданія, а въ концѣ — прибавлены указанія на главнѣйшія реформы въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣднее десятилѣтіе. Книга составлена очень сжато. Чтобы облегчить обзоръ передаваемыхъ въ ней фактовъ, на поляхъ настоящаго изданія помѣщены указанія къ тексту.

„Краткая Исторія“ была предназначена для прибалтійскихъ народныхъ училищъ, но — нѣтъ сомнѣнія — она найдетъ широкій кругъ читателей среди всѣхъ образованныхъ русскихъ людей въ мѣстномъ краѣ. Она написана по тому же плану, который Е. В. Чешихинъ предполагалъ разработать въ главномъ своемъ трудѣ, въ „Исторіи Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ“. Этотъ послѣдній трудъ онъ посвящалъ „гг. членамъ русскихъ общественныхъ учрежденій въ Ливоніи, для споспѣшествованія знанію прошлаго этой страны и для укрѣпленія среди нихъ правильнаго разумѣнія своего настоящаго и задачъ будущаго“. Въ этихъ же цѣляхъ написана была и „Краткая Исторія Прибалтійскаго Края“. Такой характеръ книги, имя автора, отсутствіе — наконецъ — какого бы то ни было другаго русскаго очерка историческихъ судьбъ нашей окраины — даютъ намъ право надѣяться, что и настоящее изданіе встрѣтитъ себѣ въ публикѣ сочувственный пріемъ.

Біографическія свѣдѣнія о Е. В. Чешихинѣ, человѣкѣ, жизнь котораго сама по себѣ представляетъ не маловажный фактъ въ исторіи мѣстнаго края, были бы, можетъ быть, уместнѣе при какомъ-либо другомъ болѣе важномъ трудѣ покойнаго. Но всѣ остальные труды его слишкомъ громоздки, чтобъ можно было надѣяться увидѣть ихъ въ новомъ посмертномъ изданіи. Поэтому мы и рѣшились привести эти біографическія свѣдѣнія здѣсь-же: болѣе удобный случай врядъ-ли можетъ представиться.

Біографическія свѣдѣнія

о

Е. В. Чешихинъ.

Евграфъ Васильевичъ Чешихинъ родился въ Оренбургѣ 6-го декабря 1824 года. Отецъ его, аудиторъ какого то полка, кочеваль вмѣстѣ съ полкомъ по Россіи изъ конца въ конецъ. Образование Чешихинъ получилъ сперва въ Динабургѣ (нынѣ Двинскѣ), въ гимназіи, при чемъ уже со среднихъ классовъ существовалъ самостоятельно на заработокъ съ частныхъ уроковъ. Въ 1843 г. онъ опредѣлился въ Московскій университетъ и кончилъ его, по математическому факультету, въ 1847 г., опять таки на собственные средства. То было блестящее время въ исторіи Московскаго университета: онъ былъ самымъ крупнымъ центромъ умственной жизни всей тогдашней Россіи. Это было время Гоголя и Бѣлинскаго, время профессорства Грановскаго, время знаменитыхъ кружковъ западниковъ и славянофиловъ. Е. В. Чешихинъ не остался внѣ этихъ вліяній. Всю жизнь онъ былъ мало виднымъ, но глубоко-убѣжденнымъ представителемъ благороднаго стараго Московскаго славянофильства 40-хъ и 60-хъ годовъ, горячимъ поклонникомъ Ю. О. Самарина, А. С. Хомякова, К. С. и И. С. Аксаковыхъ и др.

По окончаніи университета онъ поступилъ на службу по инженерному вѣдомству. Переведенный въ 1862 году изъ Царства Польскаго въ Ригу, Чешихинъ быстро увлекся дѣлами и интересами мѣстнаго края, въ то время совершенно обособленнаго отъ остальной Россіи и правами, и учрежденіями. Начало царствованія императора Александра II пробудило въ русскомъ обществѣ Прибалтійскаго края національное самосознаніе; явилось сознаніе, что мѣстные остатки средневѣковаго быта и учреждений должны уступить мѣсто новымъ русскимъ общественнымъ учрежденіямъ и отношеніямъ, какъ болѣе высокимъ. Е. В. Чешихинъ явился въ мѣстномъ краѣ однимъ изъ первыхъ выразителей и распространителей этого сознанія. Въ 1869 году онъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ основываетъ для развитія и защиты своихъ задушевныхъ убѣжденій газету „Рижскій Вѣстникъ“, и въ теченіе девятнадцати лѣтъ остается ея редакторомъ. Не смотря на службу, дѣятельное участіе во всѣхъ мѣстныхъ русскихъ обществахъ, на редакціонную работу (въ послѣдніе годы жизни онъ, впрочемъ, сократилъ свое фактическое участіе въ газетѣ), Чешихинъ нашелъ досугъ для обширныхъ работъ по исторіи мѣстнаго края. Въ разное время имъ составлены и напечатаны (частью на собственные средства) — историческія статьи въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“, въ сборникахъ

Бартенева „XVIII и XIX вѣкъ“ и журналахъ „Русскій Архивъ“ и „Русская Старина“; четыре огромныхъ тома „Сборника матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края“, „Очерки движенія прибалтійскихъ крестьянъ къ православію“ (журналъ „Наблюдатель“ за 1886—88 гг.), наконецъ первая на русскомъ языкѣ подробная „Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ“ (всего написано и издано 7 выпусковъ, составившихъ два первыхъ тома и начало третьяго). Это послѣднее сочиненіе, составленное въ духѣ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева, справедливо можетъ быть сопоставлено съ этимъ капитальнымъ произведеніемъ и по массѣ труда, вложеннаго въ него, и по содержанію: „Исторія Ливоніи“ обстоятельный сводъ всѣхъ подробностей исторической жизни края.

Вся жизнь Е. В. Чешихина, чуждая чего бы то ни было эффектнаго, была полна неустаннаго труда — по мѣрѣ недюжинныхъ силъ и разумѣнія, — на пользу общественную. И до сихъ поръ многимъ въ Ригѣ и во всемъ Прибалтійскомъ краѣ живо памятно его энергичное участіе во всѣхъ мѣстныхъ русскихъ общественныхъ дѣлахъ: участіе и словомъ — устнымъ и печатнымъ — с дѣломъ, составленіемъ докладныхъ записокъ о нуждахъ края, сборомъ пожертвованій и т. п.; онъ принималъ, напр., дѣятельное участіе въ исходатайствованіи объ открытіи и устройствѣ Ломоносовской гимназіи, основалъ „русскій литературный кружокъ“ въ Ригѣ, и пр., и пр. И до сихъ поръ многимъ въ Ригѣ памятна его мощная широкоплечая фигура сѣдаго какъ лунъ патріарха, скромнаго, ровнаго и простаго въ обращеніи: цѣльностью своего характера, упорствомъ въ дѣятельности и своею убѣжденностью онъ внушалъ удивленіе и невольное уваженіе даже противникамъ.

Въ февралѣ 1888 года, чтобы ускорить печатаніе „Исторіи Ливоніи“, Е. В. Чешихинъ выхлопоталъ позволеніе прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій по исторіи края, но лекціи не состоялись. 2-го марта онъ скончался скоропостижно отъ мозгового удара. Такимъ образомъ ему не пришлось увидѣть осуществленія реформъ, для которыхъ онъ готовилъ въ общественномъ мнѣніи почву своею безкорыстною дѣятельностью публициста и историка. Онъ былъ похороненъ на Покровскомъ кладбищѣ на средства, собранныя въ мѣстномъ русскомъ обществѣ. Рижане-же поставили на могилѣ его памятникъ, въ видѣ обелиска изъ чернаго мрамора, открытый 20 января 1891 г. преосвященнымъ Арсеніемъ.

На одной изъ сторонъ памятника надпись:

„Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣи насытятся“.

I.

Отъ прибытія германскихъ выходцевъ до прекращенія самостоятельнаго существованія Ливоніи (1150—1561).

Три губерніи — Эстляндская, Лифляндская и Курляндская — составляющія въ настоящее время Прибалтійскій край Россійской Имперіи, имѣютъ своими границами съ сѣвера Финскій заливъ до Нарвы, съ запада до Полангена Балтійское море, съ юга Ковенскую и часть Виленской губерніи, съ востока Витебскую, Псковскую и С.-Петербургскую губерніи. Край этотъ составляетъ ни что иное, какъ продолженіе къ Балтійскому морю русской государственной области, отъ которой онъ не отдѣляется никакими естественными предѣлами, ни рѣками, ни горами. Природныя условія его тѣ же самыя, какъ и природныя условія коренныхъ русскихъ земель средней полосы, хотя климатъ и имѣетъ морской характеръ, въ особенности въ прилегающихъ къ морю мѣстностяхъ. Одинаковость природныхъ условій края съ условіями средней полосы Россіи повлекла за собою и одинаковый образъ жизни жителей этихъ мѣстностей; а подобная одинаковость, при совершенномъ отсутствіи естественныхъ предѣловъ между ними, и привела къ сліянію Прибалтійскаго края съ русскою государственною областію, ибо страны, ничѣмъ не отдѣленные другъ отъ друга и имѣющія одни и тѣже природныя условія, рано или поздно, и какъ бы ни было разнплеменно ихъ населеніе въ началѣ, неминуемо должны войти въ составъ одного и того-же государства.

Географическій характеръ Ливоніи.

Славяно-арійское племя, въ глубокой древности вышедшее изъ Азіи, первоначально поселилось на Дунаѣ,

Разселеніе славянъ.

но было оттуда вытѣснено какимъ то сильнымъ врагомъ, а потому было вынуждено селиться сперва на сѣверъ отъ первоначальнаго пребыванія, а потомъ на сѣверо-востокъ, на земли, составляющія нынѣ русскую государственную область.

Разселеніе славянъ происходило постепенно и медленно; когда именно оно происходило — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ славянское племя появилось на земляхъ нынѣшней Россіи уже послѣ того времени, когда литовско-арійскія племена сѣли по низовьямъ рѣкъ Вислы, Нѣмана и Двины, и гораздо позднѣе того времени, когда финское племя, вышедшее изъ Средней Азіи, но не имѣвшее ничего общаго съ арійцами, заняло неизмѣримыя пространства сѣверной и сѣверо-восточной Россіи и Сибири.

Коренное население Прибалтійскаго края.

Прибалтійскій край издревле былъ обитаемъ двумя по языку и происхожденію совершенно различными племенами: финскимъ и литовскимъ. Всю нынѣшнюю Эстляндскую и сѣверные уѣзды Лифляндской губерніи съ островами Эзелемъ, Даго, Мономъ занимали народцы финскаго племени, въ нашихъ лѣтописяхъ называемые *чудью*, у иноземныхъ же лѣтописцевъ называемые *эстіями*, *эстами* или *эстонцами*. Первоначально чудь занимала весь Прибалтійскій край, но, при появленіи въ Европѣ литовцевъ, была вытѣснена совсѣмъ изъ восточныхъ уѣздовъ Курляндской и южныхъ уѣздовъ Лифляндской губерній, частию же смѣшалась съ литовскими племенами, давъ начало новымъ племеннымъ видамъ: *ливамъ*, обитавшимъ по нижнему теченію Двины и по взморью къ Чернову, и *куронамъ*, жившимъ по взморью Курляндской губерніи. У ливовъ преобладала литовская народность, у куроновъ финская. Съ теченіемъ времени оба эти народца постепенно утрачивали свои особенности и языкъ, и въ настоящее время ни ливовъ, ни куроновъ уже почти вовсе нѣтъ: всѣ они давно олатышились.

Чудь, обитавшая въ Прибалтійскомъ краѣ, состояла изъ многихъ народцевъ, въ нашихъ лѣтописяхъ называемыхъ разными именами: чудь-перома, чудь-очела, чудь-ерева, чудь-торма, чудь-юрьевцы, чудь-вельядцы и пр. Всѣ они говорили общимъ языкомъ, имѣвшимъ различныя нарѣчія, изъ которыхъ ревельское и дерптское были главнѣйшими. Корень языка чуди есть финскій языкъ.

Чудь или
эсты.

Литовско-арійское племя, прибывшее изъ Азіи изъ тѣхъ-же мѣстъ, откуда прибыли и славяне, расселилось, какъ замѣчено выше, главнымъ образомъ по нижнимъ теченіямъ рѣкъ Вислы, Нѣмана и Двины. Оно состояло, такъ-же какъ и чудь, изъ многихъ народцевъ, имѣвшихъ одинъ языкъ, различавшійся единственно по говорамъ, какъ, напримѣръ, стличаются лишь говоромъ языка велико-, бѣло- и мало-русовъ. Изъ литовскихъ народцевъ, одинъ, называемый *латышами*, въ отдаленной древности занялъ восточные уѣзды нынѣшней Курляндской губерніи, южныя уѣзды Лифляндской и три уѣзда — двинскій, люцинскій и рѣжицкій — нынѣшней Витебской губерніи. Латыши въ свою очередь подраздѣлялись на племена: летовъ (латыгола), зимгаловъ (семигалы), зелоновъ и др.

Латыши.

И чудь, и латыши не составляли никакого государства: каждое племя, каждый родъ жили отдѣльно подъ управленіемъ родовыхъ старшинъ. Совѣщанія по общимъ дѣламъ происходили обыкновенно въ народныхъ собраніяхъ, гдѣ дѣла нерѣдко рѣшались жребіемъ. Различій по состояніямъ не было, всѣ пользовались одинаково личною свободою, рабству-же подвергались военно-плѣнные. Старшины жили въ укрѣпленныхъ городкахъ, служившихъ общимъ убѣжищемъ въ военное время. Народъ занимался по преимуществу земледѣліемъ и скотоводствомъ, приморскіе же жители занимались нерѣдко и морскими разбоями. Между латышами и чудью замѣчались многія различія. Такъ чудь предпочитала селиться деревнями и селами, латыши деревень и селъ не любили, а пред-

Быть.

почитали жить отдѣльными усадьбами. Чудь въ одеждѣ своей предпочитала черный цвѣтъ, латыши свѣтлый; чудь была вообще угрюма, чрезвычайно вынослива, сосредоточена и отличалась постоянствомъ; латыши любили веселье, пѣсни, были болѣе подвижны, но за то не такъ постоянны и выносливы, какъ чудь.

Вѣра и чуди, и латышей, была языческая, но у чуди религіозныя воззрѣнія были общія съ финнами, у латышей обще-литовскія, близкія къ славянскимъ.

Храмовъ нигдѣ не было, но почитались священныя роши; жертвы приносились на каменныхъ жертвенникахъ.

Вліяніе сест-
рой-славянъ.

Родовая жизнь чуди и латышей влекла за собою раздѣльность силъ и совершенную невозможность противиться вліянію сосѣдей, вліянію племенъ болѣе сильныхъ, энергичныхъ и болѣе даровитыхъ. Такими сосѣдами съ востока для чуди были ильмонскіе славяне, болѣе извѣстные подъ именемъ новгородцевъ, а для латышей кривичи (бѣлоруссы).

Полоцкіе славяне.

Съ самаго начала русской исторіи въ кривской землѣ (Бѣлоруссіи) уже были два средоточія, около которыхъ развивалась мѣстная, областная жизнь кривичей. То были *Полоцкъ и Смоленскъ*. Никакихъ естественныхъ границъ между поселеніями полочанъ и литовцевъ не было: предѣлы полоцкой земли просто терялись въ неизмѣримыхъ лѣсахъ литовскихъ, куда, однакоже, постепенно и мало по малу проникали поселенія кривичей, заводившіяся отчасти путемъ торговымъ, отчасти и силою оружія. Полоцкіе князья, проникая къ западу, въ нынѣшнюю Ковенскую и Гродненскую губерніи, налагали дань на литовскихъ народцевъ и на удобныхъ мѣстахъ строили городки, въ которыхъ шла мѣновая торговля съ окрестными народцами и изъ которыхъ княжескіе дружинники ходили собирать дань. Вилкомірѣ, Новгородѣ, Гродна или Городна были такими городками.

Пограничные съ кривичами литовцы довольно легко подчинялись русской гражданственности: въ XII в. въ полоцкихъ войскахъ уже бывали вспомогательные литовскіе отряды, а въ концѣ XII в. между литовцами появилось и православіе. Такъ, четыре князя литовско-новгородскіе: Гинвиль (въ крещеніи Юрій) Михайловичъ, сынъ его Борисъ Гинвиловичъ, внукъ Василій Рогвольдъ Борисовичъ и правнукъ Глѣбъ Васильевичъ были православными. Литовскіе князья легко усвоивали русскій языкъ, и когда образовалось въ XIV ст. русско-литовское княжество, то первые князья его: Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ были православными, и русскій, а не литовскій языкъ, былъ государственнымъ языкомъ этого княжества.

Одновременно съ распространеніемъ русско-кривскихъ поселеній между литовцами въ нынѣшней Ковенской и Гродненской губерніяхъ, распространялись поселенія кривичей и на Двинѣ, почти до самаго Балтійскаго моря; съ появленіемъ же такихъ поселеній, народцы, обитавшіе по Двинѣ, латыши и чудь, подчинялись вліянію полочанъ, вліянію, выражавшемуся въ данничествѣ. Русская древнѣйшая лѣтопись, Лаврентьевская, перечисляетъ народцы, платившіе дань Руси уже при самомъ началѣ Русскаго государства. То были: чудь, литва, зимигола, корсь, нерова, либь. Это подтверждаютъ и древнѣйшія нѣмецко-ливонскія лѣтописи: Генриха Латышскаго и Риёмованная Хроника.

Полоцкіе князья, собирая дань съ придвинскихъ латышей и ливовъ, имѣли на Двинѣ два городка (крѣпостцы): *Кукейносъ* и *Герсикъ*. Кукейносъ — это нынѣшній Кокенгузенъ; отъ Герсика-же не осталось слѣдовъ. Полагаютъ, что онъ находился на Двинѣ, между нынѣшними имѣніями Ливенгофъ и Царыградъ, близъ усадьбы Шлосбергъ. Русскіе городки на Двинѣ.

Русскіе князья, вообще, никого изъ языческихъ своихъ подданныхъ не принуждали силою къ принятію право- Православіе.

славія, и крестили единственно желающихъ добровольно креститься. Такъ поступали и полоцкіе князья по отношенію къ своимъ данникамъ въ латышскихъ и ливскихъ земляхъ: силою никого не крестили, но лишь желающихъ. Православіе вслѣдствіе этого распространялось очень медленно, но все таки распространялось. Такъ, латыши изъ Толовы и ихъ старшина, Талибальдъ съ сыновьями, были православными уже въ концѣ XII ст. Мѣстныхъ православныхъ приходовъ и постоянныхъ мѣстныхъ православныхъ священниковъ и церквей, за исключеніемъ Кукейнаса и Герсика, между латышами нигдѣ не было: православные священники, какъ свидѣтельствуеъ Гіернъ въ своей хроникѣ, по временамъ лишь пріѣзжали изъ Пскова къ толовскимъ и имерскимъ латышамъ для совершенія требъ и крещенія желающихъ креститься.

Новгородскіе
олавины.

Чудь, занимавшая земли нынѣшней Эстляндской губерніи и сѣверные уѣзды Лифляндской, находилась подъ вліяніемъ новгородцевъ — точно такъ, какъ латыши и ливы находились подъ вліяніемъ полочанъ. Это вліяніе у чуди также выражалось въ данничествѣ, хотя и въ гораздо меньшей степени, чѣмъ у латышей. Русскіе князья налагали дань на чудиновъ, и великій князь Ярославъ Владиміровичъ въ 1030 году на берегахъ Эмбаха (Амовжи), для удержанія въ покорности чудиновъ, построилъ русскую крѣпость, которую назвалъ *Юрьевымъ**), по своему христіанскому имени Георгія (Юрія). Но чудь не такъ легко покорялась русской гражданственности, какъ литовцы и латыши. Она дѣлала нерѣдкіе набѣги на новгородскія земли; новгородцы, для укрощенія непокорныхъ, предпринимали частые походы на чудскія земли.

Юрьевъ,
1030 г.

Взимая дань съ чуди, новгородцы, подобно полочанамъ, силою отнюдь не заставляли чудь креститься, но предоставляли принимать православіе единственно желающимъ. Такіе случаи бывали нерѣдко, ибо уже въ половинѣ

*) Съ XIII столѣтія по 1893 годъ — Дерптъ.

XII вѣка въ новгородской и псковской епархіяхъ существовали правила, какими слѣдовало руководиться православнымъ священникамъ при оглашеніи новокрещенныхъ чудишцевъ.

Данничество латышей и чуди русскимъ князьямъ и начинавшееся среди латышскихъ и чудскихъ народцевъ православіе подготовляли полное единеніе этихъ народцевъ съ русскимъ народомъ, т. е. подготовляли то, чему природныя условія Прибалтійскаго края судили быть по отношенію къ Россіи. Однако же, это единеніе было задержано на нѣсколько столѣтій вслѣдствіе того, что Прибалтійскій край, составляя продолженіе русской государственной области, прилегалъ къ Балтійскому морю и въ силу этого не могъ избѣгнуть завоевательныхъ плановъ державъ, стремившихся къ полному господству на Балтійскомъ морѣ и овладѣнію всѣми выгодами морской торговли.

Прибалтійскія побережья были извѣстны древнимъ народамъ за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова.

Финикійскіе купцы вывозили именно изъ Прибалтійскихъ побережій *янтарь*, цѣнившійся въ древности чрезвычайно высоко; за янтаремъ пріѣзжали мореходцы изъ странъ, прилегавшихъ къ Средиземному морю, и распространяли такимъ образомъ свѣдѣнія о побережьяхъ Балтики.

Германо-арійское племя скандинавовъ, заселившее нынѣшнюю Швецію, Норвегію и Данію, въ отдаленной древности не только знало побережья нынѣшняго Прибалтійскаго края, но и пути, ведшіе изъ этихъ странъ въ Византію.

Скандинавы,
ихъ торговые
пути.

Этихъ путей было два: такъ называемый велико-греческій и западно-двинскій. Велико-греческій путь направлялся изъ Финскаго залива въ Неву, оттуда въ Ладожское озеро и рѣки Волховъ и Ловать; за тѣмъ

шелъ волокъ до Днѣпра, по которому ладьи мореходцевъ проходили въ Черное море и достигали Византіи. Западно-двинскій путь шелъ Двиною и направлялся къ Смоленску, куда ладьи перетаскивались волокомъ-же, а отъ Смоленска шли Днѣпромъ въ Черное море и Византію.

Скандинавскія дружины издревле хаживали этими путями, то въ качествѣ купцовъ, то въ качествѣ наемныхъ воиновъ, поступавшихъ въ военную службу или къ русскимъ князьямъ, или къ греческому императору. Русскіе также знали оба эти пути къ скандинавамъ, и русскіе князья нерѣдко лично пріѣзжали въ Швецію для найма въ свою службу скандинавскихъ военныхъ дружинъ.

Торговья связи новгородцевъ и полочанъ со скандинавами начались очень рано, быть можетъ, гораздо раньше подчиненія Новгорода и Полоцка кіевскимъ князьямъ. Русскія купеческія ладьи, какъ свидѣтельствуя наши лѣтописи, въ XII вѣкѣ бывали и въ Даніи, бывали и въ Шлезвигѣ (въ 1157 году въ Шлезвигѣ король Даніи, Свенъ IV, ограбилъ русскіе корабли и ограбленнымъ съ нихъ товаромъ заплатилъ жалованье своимъ наемнымъ солдатамъ); но главнѣйшимъ образомъ ладьи направлялись на островъ Готландъ, находящійся почти по срединѣ Балтійскаго моря, между нынѣшнею Курляндіею и Швеціею. Главный городъ этого острова, Висби, основанный въ VIII столѣтіи, сдѣлался уже въ XI вѣкѣ важнымъ торговымъ пунктомъ для всѣхъ купцовъ сѣверныхъ державъ, ибо сюда купцы изъ Англіи, Франціи и Германіи привозили произведенія западно-европейской промышленности, а купцы русскіе изъ Новгорода и Полоцка привозили свои товары, въ которыхъ нуждались на Западѣ, именно мѣха и воскъ. Мѣновая торговля принимала въ Висби съ каждымъ годомъ большее и большее развитіе, и когда другіе прибалтійскіе торговые города, Шлезвигъ, Юлинь и Сигтуна, упали, разоренные войною, Висби къ

концу XII ст. явился центральнымъ пунктомъ всей морской торговли сѣверныхъ государствъ.

Выгоды торговли съ Россією (чрезъ Россію въ тѣ времена шли товары не только изъ Греціи, но и изъ восточныхъ мусульманскихъ земель) были такъ велики, что въ Висби начали селиться нѣмецкіе купцы изъ вестфальскихъ и нижненѣмецкихъ городовъ, для торга съ русскими гостями. Нѣкоторые нѣмецкіе купцы не ограничились посредничествомъ Готланда, но старались войти въ прямыя торговыя сношенія съ народами, обитавшими на восточномъ берегу Балтики.

Нѣмецкіе
купцы.

Бременскіе и любекскіе купцы первые начали искать такихъ сношеній, и въ первой половинѣ XII в. снарядили корабль для поисковъ удобной пристани на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря. Этотъ корабль былъ занесенъ бурею въ Рижскій заливъ и присталъ въ устьѣ Двины. Недружелюбно встрѣтили обитавшіе въ этихъ мѣстахъ ливы прибывшихъ купцовъ, но потомъ, видя, что купцы явились не съ враждебными цѣлями, начали съ ними мѣновую торговлю. Съ тѣхъ поръ нѣмецкіе купцы начали ежегодно являться къ двинскому устью, и чрезъ нѣсколько лѣтъ имъ удалось проникнуть верстъ на 40 вверхъ по Двинѣ до Икскюля и здѣсь построить амбары для товаровъ и дома для конторъ. Такіе-же амбары и дома они построили и въ Даленѣ.

Нѣмцы въ
устѣ Двины.

Ни ливскіе старшины, ни полоцкіе князья, которымъ были подчинены ливы, ни мало не противились такимъ постройкамъ, находя, конечно, для себя выгоднымъ упрощеніе торга съ нѣмецкими купцами.

Нѣмецкіе купцы получали большіе барыши отъ торговли съ ливами и русскими; являясь домой, они рассказывали о двинской гавани и объ языческомъ народѣ, обитавшемъ по двинскимъ берегамъ. Эти рассказы дошли до свѣдѣнія бременскаго архіепископа.